

чувство «полета», эйфории, комфорта, удовлетворенности. Причем само это чувство гармонического соответствия может выступать в формах «просветления», ощущения и осмысления всеобщей гармонии, что мы в нашей культуре с безусловностью сближаем с чувством «красивого», эстетически выраженного. А это невозможно без фоновой акцентуации, без той же fasciniрующей функции орнаментов, в какой бы кодировке, задаваемой органами чувств, она ни генерировалась и ни воспринималась.

Номенклатура овеществленных образов

Этот параграф должен представить попытку классификации вещного, опредмеченного, овеществленного мира бамбара. Речь должна идти об их культуре, данной в предметах, вещах, производимых и находящихся в обороте свойственной бамбара системе жизни. Эта культура отражена в образно определенных формах и в соответствии с выявленными формами образов мира, образа жизни, т.е. образами, созвучными научной интерпретации кодово переводимых форм и «смыслов» культур, «субъекта» и «объекта», взаимодействующих в процессе познания.

Мир предметов, находящихся в обороте бамбара, способствующих их жизнеобеспечению, жизнеспроизводству, можно условно разделить на две большие категории: а) предметы прямого материального взаимодействия с миром, т.е. так или иначе связанные с производственной сферой, и б) предметы делегированного взаимодействия с миром или опосредованной, символической, формы такого взаимодействия. Можно сказать, что подобное разграничение выступает проявлением как бы «инструментального подхода» к совокупности артефактов, оборачивающихся в общественной практике. В какой-то мере это следствие преимущественно функционального аспекта в исследовании этой сферы культуры. Но подобная оценка справедлива лишь частично. Она отражает поверхностный пласт постигаемой реальности. Следует особо подчеркнуть, что любая классификация, в том числе и только что предложенная, выступает в большей мере фактом познания, исследовательского интереса. Это и есть проявление «инструментального подхода». В реальности же живой культуры бамбара, а именно она и должна служить критерием адекватности научного отражения, все пребывает в недифференцированной целостности, не «разводится» в самой системе культуры бамбара. С позиции саморефлексирующей науки следует признать, что в практике жизни

«разведенные» сферы внутренне неразделимы, а раз так, то и разграничение — условность, позволяющая лишь более комфортно для науки оперировать отраженными явлениями действительности.

Если же попытаться проникнуть в более глубокие базовые, доминантные, сущностные стороны «онтологии опредмеченности», предполагая их императивную иерархию проявления и действия, то следует признать, что артефакты — также проявление целостности и всесвязности мира, как и его, этого мира, материальная природа или отражение, в картине ли мира бамбара или в научном видении мироздания. Артефакты — звено связи между природным и человеческим компонентами целостной системы мира. Они — часть этой целостности. И в этом смысле артефакты и «природны», и «очеловечены» одновременно. Они в чем-то «сверхприродны», поскольку отражают «вторичную природу» людей, каковой и принято считать «культуру». Таковая в данном случае выступает как «аккомодированная», приспособленная для жизнеобеспечения людей «истинная природа». Иными словами, это приспособленное, преобразованное, отраженное людьми пространство их жизни, выступающее сопричастной им и воспринимаемой ими областью единого и всеобщего мира. Такое определение позволяет еще более решительно трактовать понятие «артефакт», ибо в рамках этого определения «артефактами» становятся и слова, понятия, названия, географические представления, и многое-многое другое относимое к сфере отражения. Однако возможно заранее предполагать и соответственно парировать возражения против подобной «расширительности». Эти возражения могут быть основаны, к примеру, на предполагаемом «размывании» самого понятия «артефакт» или предмета этого раздела, сопряженного с вещами. И дело не только в том, что «фацио» (лат.) не ограничивается одним значением «делать», «изготавливать», но и распространяется на «сочинять», «поступать» и даже «приносить жертвы» или «быть полезным». Его же производным значением может быть и «образ, форма, лицо». И все это — в семантической области привычного для нас слова «факт». Важнее то, что сами бамбара воспринимают отраженную картину мира как вполне опредмеченную, материальную, вещную, в том числе и понятия, которыми оперируют. Тем более потому, что эти понятия выступают в образной, а не в абстрактной форме, в связи с конкретными и вполне материальными событиями, лицами и вещами. А «образ» в этой мироотражающей системе сам по себе вполне материален.

Однако для задач этого раздела следует исходить из более узкого понимания «вещей», «артефактов» и т.п., иначе музейная канва рас-

суждений так и не выйдет за рамки разбора мироотражения. Все-таки это «вещи», «предметы», «номера музейного хранения», как их принято называть в нашей системе культуры. «Инструментальность» же и «функциональность» предложенного разграничения музейных предметов есть результат труднопреодолимого антропо- и социоцентричного взгляда на действительность, следствие прагматичных, утилитарных ценностных установок нашей системы культуры. Именно в соответствии стереотипам такого восприятия и видятся сомнения в предлагаемой дихотомии. Собственно, и от дихотомного видения уйти трудно из-за тех же стереотипов. Однако, понимая условность такой схемы, ее все же можно использовать.

Без всяких сомнений такие же оговорки следует сделать и к уточняющим определениям, т.е. к «прямому» или «делегированному» взаимодействию с миром тех или иных предметов, «единиц хранения». Ведь если встать на точку зрения, что все предметы, созданные людьми, — «инструменты», то «мера опосредования» ими человеческой активности (интеллектуальной, эмоциональной или трудовой) во многом будет определяться тем, чей взгляд на действительность для нас становится центральным, определяющим, искомым для понимания: «объекта» (бамбара) или наш собственный. Так, в коллекции МАЭ № 6711 имеется несколько предметов зооморфного облика (№ 6711-53–56), выступающих в качестве магических помощников. Считается, что после соответствующих операций эти «помощники» начинают «действовать» самостоятельно, выполняя волю «хозяина», «мага».

№ 6711-53. Фигурка животного — магический предмет.

Изготовлена из меди (возможно, бронзы) литьем (восковая модель утрачена). Представляет собой схематичное изображение животного неизвестной породы (возможно, собачьих). Тело длинное, прямое, на сравнительно высоких лапах, слегка приподнятый хвост. Шея вытянута. Голова наклонена вниз. Уши торчат кверху. По всей поверхности видны четкие следы обработки восковой модели скоблением (резанием). Местами имеются следы заточки (видимо, напильником). Живот и спинка фигурки плоские. На месте пасти имеется небольшой вертикальный пропил. На спине животного привязан свернутый лист бумаги, перевязанный белой и красной хлопчатобумажной ниткой, поверх этого свертка насажено подобие седла из ковanej листовой меди, привязанное красной хлопчатобумажной нитью. Поверх всего — три последовательных ряда крученых хлопчатобумажных нитей: красной, белой и черной.

По словам торговца, на языке бамбара предмет называется «ндомбон-фаджиги». Играет роль магического слуги, выполняя различные поручения своего хозяина. По словам торговца, «ндомбо» — то же, что и «Нтомо» — тайное общество неинициированной молодежи.

Приобретена весной 1973 г. на проспекте Нации в Бамако у Кадара Кона-те (по прозвищу «Ноно») за 1250 малийских франков.

Полевой № 77.

Длина 10,2 см; ширина 5,2 см.

Сохранность хорошая.

Народ — бамбара.

№ 6711-54. Фигурка животного — магический предмет.

Изготовлена из железа ковкой. Представляет собой стилизованное изображение животного типа собаки. Изготовлена из единой железной пластинки, в которой сначала вырублены, а затем отогнуты лапы, хвост, голова, уши. Голова поднята на высокой тонкой шее. Уши торчат вверх. Также вверх поднят хвост.

По словам торговца, эта фигурка — предмет магического предназначения. Предсказывает будущее. Происходит от бамбара района Колокани (Беледугу). На языке бамбара называется «марака паджиги» (или «нтмбон фаджиги» — ?).

Приобретена 26 августа 1973 г. на проспекте Нации в Бамако («Золотой ряд») за 1000 малийских франков.

Полевой № 41.

Длина 11,2 см; ширина 2,7 см; высота 7,2 см.

Сохранность плохая. Значительно подверглась коррозии.

Народ — бамбара.

№ 6711-55. Фигурка зооморфная — магический предмет. Представляет собой изображение (весьма схематическое) какого-то животного. Изготовлена ковкой из железа. Длинная и узкая полоска железа, изогнутая волнообразно по середине, расплющена вертикально на месте головы. Небольшой выступ обозначает уши. Расщеп посередине головы должен был обозначать пасть, но верхняя челюсть не сохранилась. Хвост короткий, изогнутый волнообразно. На шее животного имеется маленькое бронзовое витое колечко, подобное таким, какие вставляют вдоль кромки уха. Назначение фигурки неясно. Однако можно предположить, что она является магическим предметом, аналогичным по назначению № 6711-53, 54.

Приобретена в 1972 г. на проспекте Нации в Бамако за 100 малийских франков.

Полевой № 24.

Длина 17,2 см; ширина 1,8 см; высота 6,5 см.

Сохранность плохая. Сильно изъедена коррозией. Значительные утрачены части.

Народ — бамбара.

№ 6711-56. Фигурка животного — магический предмет.

По способу изготовления, изображению и назначению аналогична № 6711-54.

На языке бамбара называется, по информации торговца, «минена» («тот, кто хватает»). Якобы преследует и наказывает похитителя (вора), возвращает украденное.

Приобретена на проспекте Нации в Бамако у Кадара Конате (по прозвищу «Ноно») за 1000 малийских франков.

Полевой № 78.

Длина 4,3 см; ширина 2,6 см; высота 3,5 см.

Сохранность удовлетворительная. Имеется налет коррозии.

Народ — бамбара.

Для нас это, несомненно, предметы «делегированного» действия. Но для бамбара каждый предмет «жив», каждый являет целостность — часть «всецелостности» мира. И в этом смысле любой «нормальный» инструмент — топор, мотыга, ложка и т.п. — также имеет самостоятельное существование и «делегированную» ему функцию. И наоборот, любая «делегированная» функция скрывает за собой «инструментальную». Однако и эта условность видения помогает осмыслить предмет, в данном случае мир вещей бамбара.

С этой точки зрения, идя по пути наименьшего сопротивления стереотипам собственной культуры, но понимая их задействованность, можно принять на тех же условиях допущения, что под первой категорией предметов будут подразумеваться предметы быта (домашний инвентарь во всей своей недвижимости и подвижности, а также одежда, украшения и т.п.), т.е. предметы поддержания жизни. Сюда же следует отнести инструменты (в нашем понимании) как предметы производства жизни (мотыги, серпы, копыя и т.п.). Это так или иначе «материальная», «производственная» культура, а также культура бытовая, повседневная, прямого жизнеобеспечения. Таковой в предметном мире бамбара можно противопоставить по сути также предметы материального взаимодействия с миром, но взаимодействия «делегированного», которое осуществляется через воплощенные образы, с нашей точки зрения, виртуализованной реальности. Это знаки, сим-

волы, подобия реальных или обобщенных персонажей, которые выступают посредниками между миром жизни и миром ее отражения. И это при том, что для самих бамбара — это единый мир, но как бы в двух его параллельных измерениях — «игровом», условном, сакральном и бытовом. Хотя «бытовое» легко переходит в «сакральное» и наоборот. Эта вторая категория предметов в наших глазах наиболее эстетизирована, семиотизирована. Она имеет в ряду прочих предметов наиболее выраженный «пластический образ», «символ» [Марков (Матвей) 1919: 36–38; Арсеньев 1997: 16–19]. К такой категории предметов прежде всего следует отнести то, что принято называть «скульптурой»: маски, «круглая скульптура» (фигурки предков, плодородия), марионетки, фигурки «помощников», фигурки-обереги и т.п. К этой же категории могут быть отнесены и всевозможные образные производные от природного мира: граффити, петроглифы, моделированные природные объекты, пространственные построения, композиции на основе природных феноменов и т.п. Сюда же отчасти может быть причислена и архитектура как пластика форм, и планировка жилищ и поселений как пространственная организация жизни. Но вот архитектура как искусственная среда в таком случае попадает все же в разряд бытовой культуры как взгляд изнутри на искусственную оболочку, пространство жизни. Впрочем, проявления двойственности в таких случаях вряд ли можно избежать.

Предметы прямого (производственного) взаимодействия

В соответствии с изложенными оговорками это предметы быта и инструменты. Поскольку реальное различие между ними также весьма условно, ибо кухонная утварь, например, такой же инструмент, как и сельскохозяйственное орудие, то есть возможность не столько следовать традиции рубрикации, сколько попытаться в самой морфологии, пластике соответствующих предметов разглядеть исторические или/и природно предопределенные альтернативы.

№ 7216-1 а, б. Ступа с пестом («колон ни колон-кала» — яз. бамбара). Предмет домашней утвари, повсеместно распространенный в Африке — повсюду, где имеется обработка первичных естественных природных продуктов с целью их размельчения. Данный вариант ступы относится к разряду средних по габаритам, служащих для выполнения вспомогательных функций при ведении домашнего хозяйства.